

Нападение на свободу науки

ХАЙКЕ ЭГНЕР

Независимая исследовательница, Австрия,
heike.egner@gmx.at.

АНКЕ УЛЕНВИНКЕЛЬ

Зальцбургский университет (PLUS), Австрия,
anke.uhlenwinkel@plus.ac.at.

Ключевые слова: свобода науки под угрозой; идеологическая строптивость vs политические ценностные установки; внутренние процедуры; консенсус научности vs научный консенсус.

Проведенный авторами *case study*, основывающийся на разборе 49 недавних случаев увольнения/понижения в должности профессоров немецких университетов, дает им основание вновь обратиться к актуализировавшейся проблеме ограничения, или манипуляции, академическими свободами в пользу утверждения мейнстримной политической повестки дня. Если университет есть, в первую очередь, государственная институция, а его профессора — государственные служащие, то как возможно сегодня отстаивать право университета на позитивные разногласия и право профессоров на альтернативную точку зрения, продвигая инновационные идеи или нетрадиционные взгляды? Этот вопрос как повторяет, так и варьирует проблематизацию двойственного статуса науки, образцово сформулированную в докладе Макса Вебера «Наука как призвание и профессия» (1917).

Задача науки — предоставлять индивидам и обществу недоступные

иначе знания. И эта задача в настоящее время явственно выступает темой дискуссий как в преподавании, так и в научных исследованиях. Продолжая веберовскую линию критического размышления, авторы резюмируют свое исследование констатацией, что сегодня мы дошли до такой науки, которая больше не предоставляет индивидам и обществу рамки, внутри которых действия, также обосновываемые и в моральном плане, могут быть отрефлектированы и оправданы. Вместо этого мы имеем дело с наукой, которая формуется политикой. Ученые и преподаватели, не способные или не желающие поступиться свободой науки в угоду политическому мейнстриму и подтвердить свои исследования и учебные курсы под навязанные извне ценностные установки, маркируются как «спорные» или «идеологически строптивые» и сами становятся объектами как внутриуниверситетских расследований, так и медиакмпаний, направленных на лишение их деятельности статуса научной.

ДЕЛО Ульрике Геро заостренно показывает, что в настоящее время на кон поставлено многое. Можно сказать, что принципиальному сомнению подвергается само понимание науки, как оно было сформулировано Максом Вебером¹, сама роль науки. Кому-то эти слова могут показаться излишне напыщенными, но, к огромному огорчению, они просто отражают реальное положение дел. При проведении нами исследования темы «увольнения или публичного понижения с профессорской должности»² на сегодняшний день мы столкнулись с почти пятьюдесятью подобными случаями. Другими словами: случай Геро, к сожалению, не единичный. Равно как не уникальны и случаи медиасбоев, сходные в практикуемой ими жесткости и способах наговора. Однако они редко бьют по штатным профессорам, скорее по тем ученым, которым было отказано в занятии университетских должностей (например, Даниэле Гансер³); которые выбрали иную карьеру после получения докторской степени (например, Габриэле Кроне-Шмальц⁴) или которые уже вышли на пенсию (на-

Перевод с немецкого *Олега Никифорова* по изданию: © *Egner H., Uhlenwinkel A.* Ein Angriff auf die Wissenschaftsfreiheit // Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung / G. Gysi (ed.). Neu-Isenburg: Westend Verlag, 2024. S. 13–27.

1. См. веберовский доклад «Наука как призвание и профессия»: *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
2. *Egner H., Uhlenwinkel A.* „Wie wenig es braucht ...!“ Befunde zur Entlassung oder öffentlichen Degradierung von Professorinnen und Professoren. Unveröffentlichtes Manuskript.
3. Швейцарский историк и публицист, автор, в частности, следующих книг: *Гансер Д.* Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М.: Кучково поле, 2017 (2012); *Ganser D.* Europa im Erdölrausch: Die Folgen einer gefährlichen Abhängigkeit. Zürich: Orell Füssli, 2012; *Idem.* Imperium USA. Die skrupellose Weltmacht. Zürich: Orell Füssli, 2020. — *Прим. пер.*
4. Немецкая тележурналистка, автор, в частности, следующих книг: *Krone-Schmalz G.* ...an Rußland muß man einfach glauben. Meine Moskauer Jahre. Düsseldorf: Econ, 1991; *Idem.* Wir können es schaffen. Anstiftung zum Neuanfang in Deutschland. Düsseldorf; München: Econ, 1997; *Idem.* Was passiert in Russland? München: Herbig, 2007; *Кроне-Шмальц Г.* Понять Россию. Борьба за Украину и высокомерие Запада. М.: Кучково поле, 2015. — *Прим. пер.*

пример, Сучарит Бхакди⁵). Так в какой же степени дело Геро угрожает на то, что наука в целом находится под угрозой?

Наука и академическая свобода

Задача науки — предоставлять индивидам и обществу недоступные иначе знания. И эта задача в настоящее время явственно выступает темой дискуссий как в преподавании, так и в научных исследованиях. В преподавании — поскольку его качество ныне измеряется не тем, помогает ли оно восприимчивому уму мыслить самостоятельно, а просто количеством студентов и их субъективной оценкой преподаваемых курсов. В исследовании — поскольку его качество измеряется не по тому, насколько всесторонний анализ действительных отношений, позволяющий оценить последствия возможных действий, оно производит, а по тому, легитимизирует ли оно действия, желанные по политическим соображениям. Кроме того, сегодня успех исследователя в науке измеряется и по объему привлеченного стороннего финансирования, то есть не того финансирования, которое он без дополнительных требований и оговорок получает от университета, но которое он должен изыскать, обратившись в различные фонды или компании. И как у компаний, так и у общественно-государственных спонсоров (*öffentliche Geldgeber*) имеются свои цели, которые они хотели бы видеть подтвержденными или легитимизированными посредством соответствующих исследований. Эта возможность оказывать влияние на исследования и университеты посредством стороннего финансирования стала результатом соответствующих (университетско-)политических решений, особенно последних двух десятилетий. Это означает — вновь мысля вместе с Вебером — что мы дошли до такой науки, которая больше не предоставляет индивидам и обществу рамки, внутри которых действия — также обосновываемые и в моральном плане — могут быть отрефлексированы и оправданы. Вместо этого мы имеем дело с наукой, которая формуется политикой⁶. По мне-

5. Немецкий микробиолог тайского происхождения, профессор университетов Гиссена и Майнца, автор книг (в соавторстве с Кариной Райсс): *Bhakdi S., Reiß K. Schreckgespenst Infektionen. Mythen, Wahn und Wirklichkeit*. B.; Wien: Goldegg, 2016; *Idem. Corona unmasked. Neue Daten, Zahlen, Hintergründe*. B.; Wien: Goldegg, 2021. — *Прим. пер.*
6. *Michael M. Wie ich meine Uni verlor. Dreißig Jahre Bildungskrieg. Bilanz eines Ostdeutschen*. B.: edition ost, 2023.

нию Вебера, такая наука утопает в посредственности (*versinkt in der Mittelmäßigkeit*).

Подлинная же наука (в веберовском смысле), напротив, живет разногласиями: ученому должно быть позволено думать и говорить вещи, которые не обязательно приемлемы для большинства. Именно для этого пункт 3 статьи 5 Основного закона [ФРГ] гарантирует свободу науки, исследований и преподавания: это конституционное право (*Grundrecht*)

...основано на идее о том, что наука, свободная от идей социальной полезности и политической целесообразности, в конечном итоге наилучшим образом служит государству и обществу⁷.

Так что вовсе не обязательно разделять содержательную позицию профессора Геро, чтобы возмущаться тем, как с ней обращаются, и протестовать против этого посягательства на конституционно гарантированную свободу науки. Поэтому самым поразительным здесь является очень громкое молчание в рядах самой науки. Значит ли это, что такие нападки стали в последние годы чем-то расхоже-приемлемым? Может быть. Однако, возможно, эти коллеги хранят молчание, потому что сами опасаются выпасть из сложившегося мейнстрима и оказаться в центре уничтожающего внимания средств массовой информации? Ведь им есть что терять. Кажется, верно и то, и другое. И именно это обстоятельство дел мы считаем чрезвычайно тревожным.

Увольнение профессоров: инциденты и их восприятие СМИ

Увольнение профессора из-за мелких обвинений — относительно новое явление. При проведении нашего исследования мы обнаружили, что ранее, примерно до 2010 года, увольнение профессора было действительно редким событием. По большей части, хоть и неявно, речь шла о конфликтах за ресурсы между коллегами, например, за должности или выделяемые денежные средства: суммы, высвободившиеся после отстранения от должности какого-либо профессора, затем перенаправлялись на другие цели. Однако эта причина не упоминалась при разборе дел. В той степени, в которой увольнение вообще обсуждалось в СМИ, репортажи были,

7. Решение административного суда земли Шлезвиг-Гольштейн по делу: Patrick Baab/Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. 25.04.2023. Az 9 A 167/22. S. 16.

скорее, благосклонны по отношению к профессорам: они в первую очередь изображались как жертвы более или менее коррумпированного руководства университета, поэтому мы описываем этот медианарратив метафорой «Йозеф К.»⁸

В период с 2011 по 2019 год сначала увеличивалась частотность таких случаев, а затем, с 2018 года, на удивление резко выросло и абсолютное количество увольнений и понижений в должности за год⁹. На этом этапе особенно пострадали женщины-профессора. Вместе с этим количественным и качественным усугублением изменились и причины увольнения или понижения в должности: движение #MeToo, возникшее в других областях, проникло и в университеты. Обвинение теперь главным образом озвучивалось как «злоупотребление властью». Анализ деталей случаев и их представления в СМИ показывает, что обвинения исходили в основном от, как правило, менее продуктивных молодых сотрудников, которые воспринимали критическую оценку своей работы со стороны руководителей как направленный против них *моббинг* и притеснение и жаловались на «атмосферу страха». Для того чтобы жалоба на критическую оценку продуктивности возымела радикальные последствия и привела к увольнению профессора, необходима поддержка руководства вуза. Однако любой, кто предполагает, что такому решению предшествует всестороннее рассмотрение дела и тщательное расследование обвинений — ведь мы имеем дело с руководством учреждения, занимающегося поиском истины и знаний, — будет удивлен результатами, полученными нашим исследованием. Подробнее об этом чуть позже. Здесь же мы хотели бы зафиксировать лишь то, что на этом этапе нарратив СМИ фундаментально изменился. Если прежде профессоров, когда их увольняли, обычно считали жертвами коррумпированного руководства университетов, то теперь университетское руководство выступает героем, своего рода Робин Гудом, якобы защищающим притесняемых молодых ученых и помогающим им отстоять свои права. Изгнанные же профессора изображаются в средствах массовой информации — за некоторыми исключениями — как властолюбивые, жестокие и агрессивные типы, беспардонно и безответственно третирующие и эксплуатирующие молодых ученых.

8. По имени героя романа Франца Кафки «Процесс» (1925) — заурядного банковского служащего, арестованного по так и остающимся для него непонятным обвинениям. — *Прим. пер.*

9. Egner H., Uhlenwinkel A. „Wie wenig es braucht ...!“

С 2020 года количество случаев увольнения или публичного понижения в должности еще более возрастает. Однако теперь удары по большей части приходятся на (старших) профессоров. Им значительно реже ставят в вину моббинг и злоупотребление властью, но зато чаще обвиняют в том, что мы обозначаем понятием «идеологическая строптивость».

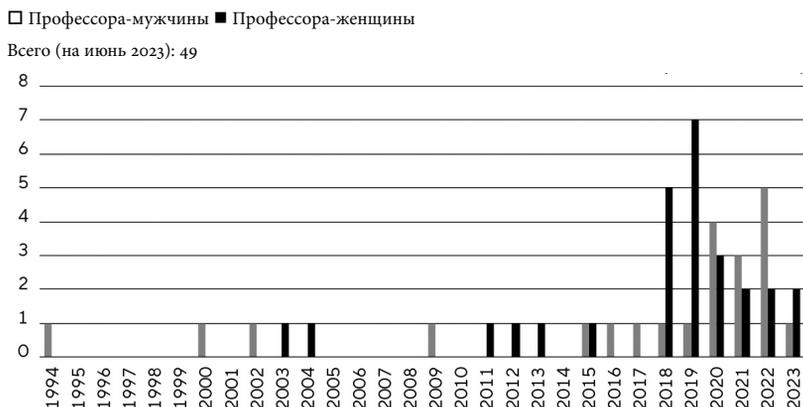

Рис. 1. Увольнение/публичное понижение в должности профессоров в Германии, Австрии, Швейцарии.

С идеологической строптивостью мы имеем дело тогда, когда по какому-либо политически окрашенному вопросу некто занимает позицию, отличающуюся от расхожего мнения шумного большинства. К таким тематическим полям в настоящее время относят гендерные вопросы, в том числе дебаты о трансгендерности¹⁰; мероприятия, осуществляемые во время пандемии коронавируса; вопросы миграции, войны на Украине и антропогенного изменения климата. Во всех этих полях как наука, так и университет как институция и всевозможные научные дебаты теряют свою нейтральность и подчиняются политическим ценностным установкам¹¹. Интересно здесь то, что скандализация высказываний того или иного профессора, не согласующихся с мнением большинства, часто (хоть и не всегда) инициируется представителями студентов. Они быстро находят в СМИ положительный отклик на свое возмущение, причем никакого предметного обсу-

10. Движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено на территории РФ.

11. *Meyen M.* Unterwerfung der Universitäten // *Tumult. Vierteljahresschrift für Konsensstörung.* Herbst 2022. S. 26–29.

ждения высказанной позиции не происходит. Вместо этого профессору присваивается порочащий ярлык #спорный (*#umstritten*), который маркирует его как особу, противоречащую господствующей ортодоксии и, следовательно, заблуждающуюся, в силу чего должную быть исключенной из университета и, следовательно, из науки. Этот медианарратив мы обозначаем метафорой «доктор Фаустус»¹².

Причины увольнения профессоров

Случай Геро также можно рассматривать на фоне этих тенденций. Насколько нам известно, увольнение профессора вследствие плагиата, обнаруженного вне рамок квалификационной работы, для Федеративной Республики Германия является единичным явлением. Если раньше вообще и случались какие-то последствия, то проявлялись они в запрете на запрашивание финансирования, что, согласно сказанному выше, фактически означало воспрепятствование карьерному росту соответствующего исследователя. Либо следовало предупреждение, возможно, с записью в личном деле, либо критическая оценка представленных публикаций с привлечением большого количества рецензентов. Даже поверхностное изучение дела Геро позволяет предположить, что приведенное основание — плагиат — не является собственно причиной ее увольнения, но, скорее, сориентировано на скандализацию основных позиций, которые она заявляет. Тем самым демонстрируется подход, который мы можем наблюдать во многих случаях увольнения или публичного понижения в должности профессоров, разобранных в нашем исследовании, и который четко формулирует один из пострадавших:

Причины для моего увольнения им пришлось сначала с большим усилием придумывать или конструировать¹³.

Но вместе с тем также поднимается вопрос, по каким причинам профессора вообще позволительно уволить? Независимо от того, идет ли речь о госслужащем или наемном работнике, возможные причины для этого вполне однозначны. К их числу относятся: уголовные преступления, такие как мошенничество, растрата средств, принуждение или сексуальное домогательство. Кроме

12. По названию романа Томаса Манна 1947 года. — *Прим. пер.*

13. *Stubbe E. Gastland Schweiz. Rechtsbrüche und Willkür statt Freizügigkeit. Sem-pach: Felsenegg Verlag, 2005. S. 30.*

того, согласно трудовому праву к таким причинам также относятся клевета на работодателя или отсутствие на работе. Но последнее лишь единожды, в одном из самых ранних случаев, выступало причиной увольнения. В прочих же рассмотренных нами случаях ни одна из этих причин не послужила основанием для увольнения или публичного понижения в должности. Вместо этого фактические обвинения отсылали либо к «неподобающему руководству» (под чем имелся в виду моббинг и психологическое насилие), либо к «идеологической строптивости». И оба эти обоснования затрагивают академическую свободу соответствующих профессоров: то, как ученый организует свое преподавание, какой материал он представляет и как его обрабатывает, а также какие критерии он применяет для оценки успеваемости, согласно правовым нормам предоставляется на его усмотрение. Также он волен сам решать, как и какой предмет исследует. Представление результатов зависит исключительно от проведенного им исследования, а не определяется извне. В этом смысле науке всегда нужны и спорные инакомыслящие исследователи: Галилео Галилей, Альберт Эйнштейн, Мария Кюри и Альфред Вегенер принадлежат к этой группе неудобных мыслителей, идеи которых первоначально встречают в штыки, но в конце концов они побеждают. Можно утверждать, что именно поэтому академическая свобода в конечном итоге была закреплена как основное конституционное право. Но даже если выдвинутая идея затем выкажет себя как ошибочная и не получит позднейшего признания среди специалистов (а история науки полна и таких примеров), право отстаивать ее должно оставаться неизблемым без всяких если и но. При этом, конечно же, право на свободу преподавания и научно-исследования

... не освобождает человека от верности конституции... как и от соблюдения основ международного права и следования принципу верховенства закона и демократии¹⁴.

А именно это сейчас и дебатруется. Когда и в каком отношении выдвинутое утверждение оказывается выражением нарушения верности конституции? Новая проблемная область «значимой для защиты конституции делегитимации государства»¹⁵, в рамках ко-

14. Решение административного суда земли Шлезвиг-Гольштейн по делу: Patrick Baab/Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. S. 19.

15. Verfassungsschutzbericht 2022. B.: Bundesministerium des Innern und für Heimat, 2023. S. 116 ff.

торой критика политики или отдельных политиков уже наказывается наблюдением со стороны управления по защите конституции, так же, как и новый закон о защите информаторов¹⁶, представляют собой радикальное ограничение свободы выражения мнений и свободы науки. Как могут быть возможны те же общественно-научные исследования без возможности критики [существующих] отношений?

Насколько чисты внутренние процедуры?

При проведении нашего исследования мы опрашивали пострадавших об их оценке соблюдения общих правовых принципов [в их случаях]. Интересовало нас не столько то, были ли указаны и проинтерпретированы отдельные параграфы соответствующих законов из области трудового, служебного или университетского права, сколько то, полагалось ли руководство на фундаментальные конституционные принципы?

Спрашивали мы о восьми фундаментальных принципах. В том числе о тех, которые относительно легко объективировать (проверить на их соблюдение), например, произошло ли что-то вообще или нет. Среди них: (1) право на конфронтацию с подателем жалобы; (2) право на проведение слушания во всех инстанциях; (3) право на юридическое сопровождение при обсуждении собственных трудовых отношений и (4) право на письменное заявление своей позиции [по делу]. Остальные четыре правовых принципа более подвержены субъективному толкованию и поэтому могут оцениваться разными участвующими сторонами совершенно по-разному. К этим принципам относятся: (5) непредвзятое обращение со всеми участвующими сторонами; (6) презумпция невиновности; (7) прозрачность как всей процедуры, так и ее отдельных этапов и (8) конфиденциальность процедуры. Подавляющее большинство наших респондентов сочли, что при проведении внутриуниверситетских процедур этим принципам уделялось мало внимания или же не уделялось вовсе. Почему дело обстояло так? И что означает такая оценка?

1. Право на конфронтацию с подателем жалобы

Это право особенно актуально в случаях неправомερных действий со стороны руководства, то есть там, где выдвигаются обви-

16. Hinweisgeberschutzgesetz. 31.05.2023. BGBl. 2023 I № 140.

нения в моббинге. В этих контекстах обвинения в моббинге обычно выдвигаются анонимно и в достаточно общей форме. Однако тот или иной профессор вряд ли сможет осмысленно ответить на анонимное обвинение в том, что он принизил работу молодого ученого, если не знает, какую совершенную работу, когда и каким именно замечанием и в каком контексте он якобы принизил. Чтобы прояснить вопросы о том, делалось ли вообще такое высказывание, и если да, то являлось ли оно порочащим, — анонимность подателя жалобы обязательно должна быть снята. Как именно это делается: посредством предоставления соответствующих письменных подтверждений или просто путем называния имен и указания места события — в конечном счете не имеет значения, поскольку общее обвинение тем самым конкретизируется и, следовательно, становится проверяемым. Однако 80% опрошенных нами профессоров заявили, что при разборе их случаев этот принцип не соблюдался, и поэтому у них не было шансов осмысленно защищаться от обвинения.

2. Право на проведение слушания во всех инстанциях, занимающихся разбором дела

Этот правовой принцип, так же легко объективируемый, может показаться немного странным для тех, кто не очень знаком с университетами, однако он играет важную роль в этой институции. Внутри университета вопрос об увольнении или понижении в должности может последовательно рассматриваться: советом факультета, сенатом, а затем и президентом [университета] — соответственно, на разных уровнях иерархии. На деле же обсуждаемый профессор выслушивается только в самой низшей комиссии, на совете факультета, где он действительно может изложить свою точку зрения, тогда как в сенате его позиция представляется уже кем-то другим. И любой, кто знаком с университетами, знает, что существует определенная вероятность того, что за позднейшее представление его позиции может взяться кто-то из его оппонентов, вследствие чего действительное слушание и, следовательно, разбор аргументации обеих сторон по существу вопроса окажется уже невозможным. Нечто схожее может происходить и на уровне президента [университета], если он слепо, не вникнув в дело, полагается на результаты голосования в сенате. Многие из опрошенных нами участников исследования, в том числе Геро, рассказывали, что никогда лично не встречались с ректором или президентом, которые являются последней инстанцией в принятии ре-

шения об увольнении. Соответственно, неудивительно, что 74% опрошенных нами профессоров заявили, что при разборе их дела этот принцип не соблюдался.

3. Право на юридическое сопровождение при обсуждении собственных трудовых отношений

Это право предполагает понимание работодателем того, что увольнением или понижением в должности нельзя распоряжаться как помещики, на манер остэльбского юнкерства, но что при этом также должна предприниматься, по крайней мере, попытка сбалансированного учета интересов. Фактически же дело нередко обставляется так, что обсуждение кадрового вопроса даже не является заранее, а вместо этого, например, обвиняемого приглашают на беседу о новациях в преподавании учебного предмета — что незаконно уже потому, что при такой подаче вовлеченное в разборки лицо даже не догадывается, что ему может понадобиться адвокат. Но даже в тех случаях, когда тот или иной профессор спрашивал, может ли ему понадобиться адвокат, ему нередко на голубом глазу отвечали, что нет. И тем самым вовлеченного в разборки профессора лишали возможности воспользоваться представительством адвоката уже на ранней стадии разбора конфликта. По меньшей мере 65%, то есть почти 2/3, опрошенных нами профессоров заявили, что им отказывали в праве на юридическое сопровождение.

4. Право на письменное заявление своей позиции в ответ на обвинения

Для обеспечения этого права необходимо, чтобы выдвигаемые обвинения были заранее заявлены в письменной форме. Кроме того, для ответа на них должно быть отведено достаточно времени, чтобы вовлеченное лицо могло уяснить обвинения, реконструировать ситуацию и, если это нужно, собрать ответные доказательства. И это является сложным не только тогда, когда податель обвинения остается анонимным, но и в ситуациях, когда обстоятельства дела конструируются администрацией университета. Так, одного профессора обвинили в том, что заявление об освобождении от налога он подал не в ту инстанцию. Однако то, в какую именно инстанцию следовало его подать, сами представители университета не смогли объяснить суду, рассматривавшему дело. И как тогда вовлеченному лицу заявить свою позицию относительно

этого? Однако то, что поначалу звучит столь просто и однозначно (право на письменное заявление своей позиции в ответ на обвинения), и едва ли вообще можно представить, что в этом праве может быть отказано кому-либо, — в университетах оказывается трудноисполнимым даже в тех случаях, когда это право предоставляется. Причем более половины, а именно 54%, опрошенных профессоров заявили, что даже этого права на письменное заявление им не обеспечили.

5. *Непредвзятость*

Что касается тех правовых принципов, восприятие соблюдения которых некоторым образом зависит от имеющейся субъективной вовлеченности, то вопрос о *непредвзятости* проведения процедуры находится на вершине списка пренебрегаемых принципов: 94% опрошенных профессоров заявили, что этот принцип не соблюдался. Прежде всего, непредвзятость означает, что при разборе дела ко всем его сторонам относятся одинаково. Например, предвзятость проявляется, когда опрашиваются только те сотрудники, которые, как можно предположить, недовольны рабочей ситуацией, тогда как те, кто ею доволен, но, узнав о проводимом опросе, также хотят высказаться по вопросу, просто игнорируются.

6. *Презумпция невиновности*

Учитывая ощутимое пренебрежение принципом непредвзятости, неудивительно, что такое же число профессоров, а именно 94%, считают, что в их случаях не соблюдалась и базовая презумпция невиновности. Презумпция невиновности является центральным правовым принципом: в уголовном процессе любой обвиняемый считается невиновным, пока его вина не доказана. Действует даже принцип *in dubio pro reo*¹⁷ — если остается хоть какое-либо сомнение в виновности, никакого наказания не следует. Однако анализ случаев в нашем исследовании показывает обратное: зачастую поспешность, проявляемая в случаях увольнения или понижения в должности профессоров, представляется чуть ли не соревновательной. Еще до проведения какой бы то ни было проверки обвинения уже разносятся призывы к защите молодых ученых и студентов и утверждения, что отсрочка наказания [ви-

17. Букв. «в случае сомнения — в пользу обвиняемого» (лат.) — один из принципов римского права. — *Прим. пер.*

новных в их притеснении] будет совершенно безответственной, а длительное расследование и изучение доказательств — несообразно моменту. В результате профессоров зачастую осуждают без проведения надлежащего расследования, просто снимая с должности. Причем забывают, что в большинстве случаев такое спешное осуждение означает длительное отстранение от науки: мы называем это убийством карьеры (*Berufsmord*).

7. Прозрачность на всех этапах разбора дела

Этот правовой принцип предполагает, с одной стороны, что процедурные действия общеизвестны и признаны, а с другой стороны, что также известны и признаны те критерии, в соответствии с которыми принимаются решения на отдельных процедурных этапах. Как первое, так и второе должно защищать от придирок. Например, требовать лишь от одного из профессоров подготовить отчет о собственной деятельности, тогда как ни от кого из прочих профессоров из той же среды того же университета этого не требуется, — будет придижкой. Придижка имеет место там, где, как в деле Геро, профессору приходится защищаться от обвинений в плагиате, хотя для любого разумного третьего лица очевидно, что критикуется здесь в конечном итоге проявленная идеологическая строптивость. В общей сложности 87% опрошенных нами профессоров выразили сомнения относительно того, что примененные к ним процедуры ориентировались на [общепризнанные] критерии и были прозрачными.

8. Конфиденциальность

Это право распространяется, в первую очередь, на информацию, не предназначенную для публичного оглашения. Если в ходе процедуры она окажется раскрыта другим лицам, то конфиденциальность будет нарушена. Наш анализ показывает, что во внутренних процедурах часто применяются двойные стандарты. Так, при разбирательствах обвинений в моббинге заявители могли пользоваться правом на конфиденциальность уже просто потому, что им позволялось оставаться анонимными. Однако на обвиненного профессора, напротив, этот принцип часто не распространялся. В одном из случаев к доказательной базе [обвинения] были добавлены частные письма [обвиненного], переданные комиссии (*Gremium*) заинтересованной стороной. В другом случае информация, являвшаяся служебной тайной (*Interna*), была передана

в СМИ. В обоих этих случаях игнорирование основного принципа конфиденциальности создавало возможность для внешнего влияния на разбирательство. Еще в одном случае комиссия, не поставив в известность вовлеченную в разбирательство женщину-профессора, провела расследование в отношении нее и собрала соответствующее досье. В целом 73% опрошенных нами профессоров заявили, что при разбирательстве их случаев им самим не была обеспечена гарантированная конфиденциальность.

Таким образом, проведенный анализ характера исполнения внутренних процедур, должных предшествовать увольнению или понижению в должности, рисует катастрофическую картину. Ни объективируемые правовые принципы, ни те принципы, которыми обосновывается столь часто цитируемое «уважительное обращение» (*wertschätzenden Umgang*), похоже, не играют серьезной роли, когда дело касается трудовых отношений профессоров.

Заключительные замечания

В случае Геро некоторые из названных принципов верховенства права (*Rechtsstaatlichkeit*) играли лишь второстепенную роль: например, право на конфронтацию с заявителями. Да, генеральный студенческий комитет (AStA) Боннского университета громко высказался и при помощи СМИ попытался наслать волну негодования на руководство университета. Однако это не сравнимо с анонимными жалобщиками в случаях обвинения в моббинге.

Напротив, другие принципы верховенства права были очень даже значимыми, но внимания им уделялось мало или вообще не уделялось. В тех проблемных ситуациях университет ни разу не сослался на *право презумпции невиновности*, что ему, во исполнение долга заботы о своих сотрудниках, обязательно следовало бы сделать. В медиа Геро с самого начала считалась виновной — неважно, по каким обвинениям. Также и с *непредвзятостью* дело не ладилось. Так, комиссия по рассмотрению академических проступков (*Kommission für Verdachtsfälle wissenschaftlichen Fehlverhaltens*), несмотря на полученное сообщение о больничном, потребовала [от Геро] предоставления письменного заявления в кратчайшие сроки, обосновывая такую срочность утверждением, что больничный этот якобы липовый. В конечном итоге об ее увольнении было объявлено без проведения какого-либо собеседования между ней и ректором Боннского университета.

Анализ в общей сложности почти 50 различных случаев увольнения или публичного понижения в должности профессоров по-

казывает, что как в конфликтах из-за ресурсов, так и при обвинениях в моббинге и в инцидентах культуры отмены (связанных с идеологической строптивостью), толчок к разборкам зачастую исходил как раз от коллег, молодых ученых или студентов. Причем во всех случаях университетская администрация играла сомнительную роль в разрешении конфликта. Теперь это признано и в высоких политических кругах: например, Вуппертальская декларация о добросовестном управлении наукой¹⁸ призывает соблюдать вышеназванные принципы верховенства права в отношении профессоров, чтобы конфликты разрешались подобающим образом. На той конференции, когда была принята эта декларация, тогдашний вице-президент Конференции ректоров университетов подчеркнул: «В конце концов, это дело начальника (*Chefsache*)»¹⁹.

Тот факт, что в университетах мы дошли до такой ситуации, когда профессора столь легко могут лишиться своих должностей, выступает показателем того, что мы являемся свидетелями радикального изменения в науке. Размышления Вебера о «Науке как призвании и профессии» 1917 года также можно прочитывать как начало современной науки. Возможно, сейчас мы находимся в конце того, что последние сто лет считалось своего рода консенсусом научности. В отличие от ныне повсеместно заклимаемого научного консенсуса, консенсус научности соотносится с тем, что мы — как научное сообщество и как общество — понимаем под научной работой, чего мы ожидаем от науки и какую роль она в наших эпистемологических достижениях играет для общества. И, возможно, мы сейчас как раз становимся свидетелями процесса, в котором наука в целом превращается в нечто, полностью определяемое политикой. Когда вопрос «Зачем наука?» (*Wozu Wissenschaft?*) переориентируется с ранее действительных ответов: просвещение, фундаментальные исследования и улучшение общих условий — на легитимацию актуальной политики. И если это произойдет, то наука не только потонет в посредственности, как то констатировал Вебер, но и полностью упразднит себя.

18. Günther O. et al. Wuppertaler Erklärung zur vertrauenswürdigen Wissenschaftsgovernance // Bayerisches Staatsinstitut für Hochschulforschung und Hochschulplanung. 28.03.2023. URL: https://www.ihf.bayern.de/fileadmin/user_upload/IHF/Veranstaltungen/Tagung_Governance_2023/Wuppertaler_Erkl%C3%A4rung_29032023.pdf.

19. Так в докладе Оливье Гюнтера: Günther O. Konfliktmanagement in der Hochschulpraxis: Fallbeispiele und was man aus ihnen lernen kann. Wuppertal, 16.03.2023.

Библиография

- Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С.707–735.
- Гансер Д. Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М.: Кучково поле, 2017 (2012).
- Кроне-Шмальц Г. Понять Россию. Борьба за Украину и высокомерие Запада. М.: Кучково поле, 2015.
- Bhakdi S., Reiß K. Schreckgespenst Infektionen. Mythen, Wahn und Wirklichkeit. B.; Wien: Goldegg, 2016.
- Egner H., Uhlenwinkel A. „Wie wenig es braucht ...!“ Befunde zur Entlassung oder öffentlichen Degradierung von Professorinnen und Professoren. Unveröffentlichtes Manuskript.
- Egner H., Uhlenwinkel A. Ein Angriff auf die Wissenschaftsfreiheit // Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung / G. Gysi (ed.). Neu-Isenburg: Westend Verlag, 2024. S. 13–27.
- Ganser D. Europa im Erdölausch: Die Folgen einer gefährlichen Abhängigkeit. Zürich: Orell Füssli, 2012.
- Ganser D. Imperium USA. Die skrupellose Weltmacht. Zürich: Orell Füssli, 2020.
- Günther O. Konfliktmanagement in der Hochschulpraxis: Fallbeispiele und was man aus ihnen lernen kann. Wuppertal, 16.03.2023.
- Günther O., Jungwirth C., Kempen B., Welpel I., Wolff B. Wuppertaler Erklärung zur vertrauenswürdigen Wissenschaftsgovernance // Bayerisches Staatsinstitut für Hochschulforschung und Hochschulplanung. 28.03.2023. URL: https://www.ihf.bayern.de/fileadmin/user_upload/IHF/Veranstaltungen/Tagung_Governance_2023/Wuppertaler_Erkl%C3%A4rung_29032023.pdf.
- Hinweisgeberschutzgesetz. 31.05.2023. BGBl. 2023 I № 140.
- Krone-Schmalz G. ...an Rußland muß man einfach glauben. Meine Moskauer Jahre. Düsseldorf: Econ, 1991.
- Krone-Schmalz G. Was passiert in Russland? München: Herbig, 2007.
- Krone-Schmalz G. Wir können es schaffen. Anstiftung zum Neuanfang in Deutschland. Düsseldorf; München: Econ, 1997.
- Meyen M. Unterwerfung der Universitäten // Tumult. Vierteljahresschrift für Konzenstörung. Herbst 2022. S. 26–29.
- Michael M. Wie ich meine Uni verlor. Dreißig Jahre Bildungskrieg. Bilanz eines Ostdeutschen. B.: edition ost, 2023.
- Patrick Baab/Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. 25.04.2023. Az 9 A 167/22.
- Reiß K., Bhakdi S. Corona unmasked. Neue Daten, Zahlen, Hintergründe. B.; Wien: Goldegg, 2021.
- Stubbe E. Gastland Schweiz. Rechtsbrüche und Willkür statt Freizügigkeit. Sempach: Felsenegg Verlag, 2005.
- Verfassungsschutzbericht 2022. B.: Bundesministerium des Innern und für Heimat, 2023.

AN ATTACK ON THE FREEDOM OF SCIENCE

HEIKE EGNER. Independent scholar, Austria, heike.egner@gmx.at.

ANKE UHLENWINKEL. Paris Lodron University of Salzburg (PLUS), Austria, anke.uhlenwinkel@plus.ac.at.

Keywords: freedom of science under threat; ideological obstinacy vs political values; internal procedures; consensus of science vs scientific consensus.

The case study conducted by the authors, based on an analysis of 49 recent cases of dismissal/demotion of professors at German universities, gives them reason to revisit the actualized problem of restricting or manipulating academic freedoms in favor of asserting a mainstream political agenda. If a university is, first of all, a state institution, and its professors are civil servants, then how is it possible today to defend the university's right to positive differences and the professors' right to an alternative point of view, defending innovative ideas or non—traditional views? This question both repeats and varies the problematization of the dual status of science, which was exemplary formulated in Max Weber's report *Science as a Vocation* (1917).

The task of science is to provide individuals and society with knowledge that is otherwise inaccessible. And this task is now clearly a topic of discussion both in teaching and in scientific research. Continuing Weber's line of critical reflection, the authors summarize their research by stating that today we have reached a science that no longer provides individuals and society with a framework within which actions that are also morally justified can be reflected and justified. Instead, we are dealing with science, which is shaped by politics. Scientists and teachers who are unable or unwilling to sacrifice the freedom of science in favor of the political mainstream and adjust their research and training courses to externally imposed values are labeled as "controversial" or "ideologically obstinate" and themselves become the objects of both internal university investigations and media campaigns aimed at depriving their activities of scientific status.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-81-96

References

- Bhakdi S., Reiß K. *Schreckgespenst Infektionen. Mythen, Wahn und Wirklichkeit*, Berlin, Wien, Goldegg, 2016.
- Egner H., Uhlenwinkel A. „Wie wenig es braucht ...!“ *Befunde zur Entlassung oder öffentlichen Degradierung von Professorinnen und Professoren*, Unveröffentlichtes Manuskript.
- Egner H., Uhlenwinkel A. Ein Angriff auf die Wissenschaftsfreiheit. *Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung* (ed. G. Gysi), Neu-Isenburg, Westend Verlag, 2024, pp. 13–27.
- Ganser D. *Europa im Erdölrausch: Die Folgen einer gefährlichen Abhängigkeit*, Zürich, Orell Füssli, 2012.
- Ganser D. *Imperium USA. Die skrupellose Weltmacht*, Zürich, Orell Füssli, 2020.
- Ganser D. *Sekretnye armii NATO: Operatsiia "Gladio" i terrorizm v Zapadnoi Evrope* [NATO's Secret Armies: Operation GLADIO and Terrorism in Western Europe], Moscow, Kuchkovo Pole Publishing House, 2017 (2020).
- Günther O. *Konfliktmanagement in der Hochschulpraxis: Fallbeispiele und was man aus ihnen lernen kann*, Wuppertal, März 16, 2023.
- Günther O., Jungwirth C., Kempen B., Welpel I., Wolff B. Wuppertaler Erklärung zur vertrauenswürdigen Wissenschaftsgovernance. *Bayerisches Staatsinsti-*

- tut für. *Hochschulforschung und Hochschulplanung*, März 28, 2023. Available at: https://www.ihf.bayern.de/fileadmin/user_upload/IHF/Veranstaltungen/Tagung_Governance_2023/Wuppertaler_Erkl%C3%A4rung_29032023.pdf.
- Hinweisgeberschutzgesetz. *BGBI*, Mai 31, 2023, vol. I, no. 140.
- Krone-Schmalz G. ...*an Rußland muß man einfach glauben. Meine Moskauer Jahre*, Düsseldorf, Econ, 1991.
- Krone-Schmalz G. *Poniat' Rossiiu. Bor'ba za Ukrainu i vysokomerie Zapada* [Russland verstehen?: Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens], Moscow, Kuchkovo Pole Publishing House, 2015.
- Krone-Schmalz G. *Was passiert in Russland?*, München, Herbig, 2007.
- Krone-Schmalz G. *Wir können es schaffen. Anstiftung zum Neuanfang in Deutschland*, Düsseldorf, München, Econ, 1997.
- Meyen M. Unterwerfung der Universitäten. *Tumult. Vierteljahresschrift für Konsensstörung*, Herbst, 2022, pp. 26–29.
- Michael M. *Wie ich meine Uni verlor. Dreißig Jahre Bildungskrieg. Bilanz eines Ostdeutschen*, Berlin, edition ost, 2023.
- Patrick Baab/Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, April 25, 2023, Az 9 A 167/22.
- Reiß K., Bhakdi S. *Corona unmasked. Neue Daten, Zahlen, Hintergründe*, Berlin, Wien, Goldegg, 2021.
- Stubbe E. Gastland Schweiz. *Rechtsbrüche und Willkür statt Freizügigkeit*, Sempach, Felsenegg Verlag, 2005.
- Verfassungsschutzbericht 2022*, Berlin, Bundesministerium des Innern und für Heimat, 2023.
- Weber M. *Nauka kak prizvanie i professiia* [Wissenschaft als Beruf]. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works], Moscow, Progress, 1990, pp. 707–735.